

Алина Гурова

*Между солнцем
и луной*

A vibrant red rose is the central focus, its petals tightly curled and glowing against a dark, textured background. The background consists of deep black or charcoal grey fabric, possibly silk or satin, which is draped and folded in a way that creates a complex, swirling pattern of light and shadow. The lighting highlights the smooth surface of the rose and the fine texture of the fabric, creating a dramatic and moody atmosphere.

Алина Гурова

Между солнцем и луной

«Автор»

2025

Гурова А.

Между солнцем и луной / А. Гурова — «Автор», 2025

«Он говорил с кошкой о девушке, которую любил. Он не знал, что говорит со мной». Меня зовут Алиса. Я живу в двух измерениях. Ночью я могу говорить, смеяться, любить. Днём — лишь чувствовать, наблюдать и молчать, принимая облик кошки, что ищет тепло на его подоконнике. Он делился со мной кофе и секретами. Говорил о книгах и одиночестве. А потом... стал говорить о ней. О загадочной ночной незнакомке, в которую был влюблён. Обо мне. Я слушала его и понимала: этот обман съедает меня изнутри. Я была так близко, но между нами всегда было невидимое, непреодолимое стекло. Его предложение руки и сердца стало для меня не счастьем, а самым большим страхом.

© Гурова А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Я и есть ночь	5
Глава 2. Человек на другом конце стекла	7
Глава 3. Смелый поступок	10
Глава 4. Самый сладкий обман	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Между солнцем и луной

*«Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтобы унять ненужную тревогу».*
А. А. Ахматова.

Глава 1. Я и есть ночь

Для большинства людей смена дня и ночи — это просто фон, декорация в их жизни. Для меня — это смена самой себя. У них есть утро и ночь. У меня есть «Я» и «Не Я».

Рассвет — это не красивые лучи солнца, разрывающие горизонт. Для меня это — сжимающиеся тиски где-то внутри, неотвратимое и пугающее чувство потери контроля.

Сначала мир начинает медленно сползать в кислотно-ярких тонах.

Краски становятся слишком ядовитыми, звуки — острыми и режущими. Потом наступает паралич. Не физический, а экзистенциальный. Я чувствую, как мои мысли, моё «я», мои воспоминания — всё это куда-то уходит, сжимается в крошечную, горячую точку где-то в глубине, а на её место приходит что-то другое. Что-то древнее, простое и молчаливое.

А потом — боль. Это не та боль, которую можно описать человеческими словами. Это не головная боль и не боль от раны. Это ощущение, будто каждую клеточку твоего тела одновременно выворачивают наизнанку, растягивают и сжимают в тисках. Хруст костей, который слышен только тебе, изнутри. Спазмы мышц, выгибающие спину в неестественной дуге. Мир плывёт перед глазами, и ты падаешь, уже не чувствуя земли под ногами, захлёбываясь в вихре чуждых ощущений.

И когда боль становится меньше, приходят новые знания.

Зрение. Человеческий мир, такой яркий и контрастный, погружается в полумрак. Цвета блекнут, почти исчезая, но зато тени оживают, становятся глубже, объёмнее. Я начинаю видеть в темноте так, как никогда не видела при свете дня. Острота невероятная, но мир становится чёрно-белым, словно старый фильм.

Слух. Гул города, раньше бывший фоном, распадается на миллионы отдельных звуков. Я слышу, как за три дома скрипит ржавая качеля на ветру. Слышу шуршание мыши под полом сарая. Слышу, как сосед за стеной переворачивается во сне. Это оглушительный хаос, в котором сначала тонешь, но потом учишься вытеснять важное — шаги, голоса, признаки опасности.

Обоняние. Это мой новый главный проводник. Мир больше не состоит из предметов — он состоит из запахов. Я могу прочесть целый роман о дне Марка, просто прижавшись к его брошенной на стуле футболке. Горьковатый запах ночного кофе, сладкий оттенок мыла, которым он пользуется утром, едва уловимый дух типографской краски от старой книги, которую он листал, и... что-то ещё. Чисто его запах. Тёплый, спокойный, как древесина, прогретая на солнце. По этому запаху я могла бы найти его в полной темноте.

И тогда наступает день.

В этом облике мир не становится проще. Он становится... громче. Иначе громче. Я ненавижу яркий свет. Он режет глаза, заставляя щуриться, превращая всё в размытое пятно. Громкие звуки — не речь, а грохот машин, гул голосов с улицы — бьют по незащищённым ушам, заставляя вздрагивать каждый мускул.

Боль отступала, оставляя после себя лишь легкую дрожь в лапах и обостренное, до боли, восприятие мира. Пора было возвращаться.

Моё убежище находилось на самой окраине, в глубине заброшенной стройки. Снаружи — куча ржавого хлама. Внутри — вся моя жизнь.

Я пролезла в узкую щель под прогнившей доской — вход, известный только мне да ползучим насекомым.

Воздух внутри был спёртым, пахло сырой землёй, пылью и... собой. Двумя своими «я».

В углу, под полиэтиленом, лежала моя «капсула времени». Несколько вещей, которые доказывали, что я не всегда была тем, кем стала.

Потёртая коробка из-под конфет. В ней — засушенный цветок сирени. Его сорвала моя мама в нашем саду в ту последнюю весну, до... всего. Он пахнет пылью и памятью.

Скомканный билет в кинотеатр. Сеанс дневного фильма. Я сбежала с него за полчаса до конца, сдавленное помещение, чужие взгляды и нарастающая паника стали последней каплей. Я больше не пыталась ходить в такие места.

Тонкая тетрадь — мой дневник. Последняя запись была сделана дрожащей рукой: «Я не сойду с ума. Я просто буду другой. Той, кем должна стать.» Чернила расплылись от слёз, упавших на страницу тогда, в первый раз.

Фотография. Семейная. Я, лет десяти, родители. Все смотрят в объектив и улыбаются. Солнце светит прямо в камеру. Я часто смотрю на неё, пытаюсь вспомнить, каково это — чувствовать тепло солнца на коже, а не боль от его прикосновения.

Я редко открывала эту коробку. Это было больно. Как ковырять старую рану. Но я не могла от этого избавиться. Выбросить их — значило окончательно стереть себя, ту, прежнюю Алису. А эти вещи были якорем, который не давал мне полностью уплыть в ночь и забыть, что когда-то у меня было лицо, имя и жизнь, которая не умещалась между закатом и рассветом.

Я толкнула коробку носом глубже в угол, прикрыла её полиэтиленом и развернулась, чтобы уйти. Нужно было искать еду, проверять границы своей территории.

Но в последнее время всё перевернулось с ног на голову. Потому что с днём я пришла к нему.

И был тот дом. Одноэтажный, с большим окном, в которое так удобно запрыгнуть с низкой ветки старой липы. И было то окно — холодное стекло, за которым кипела жизнь, такая близкая и такая недоступная.

И был Он.

Человек по имени Марк. Пока что — просто голос, запах и пара рук, которые однажды провели по моей шерстке, не ожидая ничего взамен.

Глава 2. Человек на другом конце стекла

Он появился в моей жизни, как большинство людей — случайно и неожиданно. Сначала это был просто дом. Одно из многих укрытий на моём дневном пути.

Прежде чем появиться у его окна, я неделями изучала район. Это был не импульсивный поступок, а спланированная операция по выживанию. Мой кошачий инстинкт требовал знать каждую щель, каждую тень, каждую потенциальную угрозу.

Я составила карту безопасных маршрутов. Через чей сад можно пробежать, пока хозяева пьют вечерний чай. Где забор с выпавшей доской, за которую можно зацепиться. Где висит старое баскетбольное кольцо, отбрасывающее спасительную тень в полдень.

Я знала всех своих «соседей».

Серый пёс из дома с синей крышей — ленивый и старый, но если перебегать ему дорогу, может огрызнуться хриплым лаем, что привлекает внимание.

Рыжий кот Борис с наглым взглядом и порванным ухом — главный местный задира. Он считал соседние гаражи своей вотчиной, и мы заключили хрупкое перемирие: его территория — моя территория, но мусорные баки — нейтральная земля.

Стайка воробьёв под крышей магазина — не еда, а скорее живые сигнализации. Их внезапное смолкание означало приближение либо Бориса, либо большой собаки.

Я знала лучшие места. Самая тёплая крыша на утреннем солнцепеке — над пекарней. Самое безопасное укрытие во время дождя — глубокий ящик под крыльцом заброшенного дома. Самое высокое дерево, с которого виден весь переулок, — старый клён с удобными, цепкими ветками.

И среди всего этого хаоса его дом казался тихой гаванью. Одноэтажный, с большим палисадником, где росли неяркие, пахнущие пылью цветы. Никаких собак. Никаких крикливых детей. И он. Мужчина, который появлялся в окне чаще других.

Он не шумел. Не хлопал дверями. Он просто жил там — спокойной, размеренной жизнью, которая манила меня своей предсказуемостью и тишиной. Его дом стал точкой на карте. А затем — и вовсе единственным маяком.

Помню первый раз, когда я осмелилась запрыгнуть на его подоконник. Пахло свежеструганным деревом — он что-то мастерил внутри. Я прижалась к прохладному стеклу, стараясь быть как можно меньше, невидимее. Сердце — нет, не моё человеческое, а то, что стучит в моей кошачьей груди, — отчаянно колотилось.

Он заметил меня не сразу. Прошёл мимо, неся чашку с горячим содержимым. Потом вернулся, остановился и посмотрел. Прямо на меня. Его взгляд был не колючим, не любопытным. Скорее... заинтересованным. Как на старой, знакомой вещи, которую увидел под новым углом.

Он не стал стучать в стекло или строить смешные рожи, как делают дети. Он просто подошёл ближе, медленно, чтобы не спугнуть, и присел на корточки по ту сторону окна. Мы смотрели друг на друга. Я видела каждую ресницу, маленькую родинку над бровью, след усталости у глаз.

— Привет, — сказал он, и его голос был глухим, но тёплым через стекло. — Ты откуда тут?

Я, разумеется, промолчала. Но не отвела взгляд.

С этого всё и началось.

Он стал говорить со мной. Это было самым невероятным. Он не сюсюкался, не коверкал слова, не тыкал в меня пальцем. Он говорил со мной так, будто я могла понять каждое его слово. И я понимала. О, Боги, как же я понимала!

— Сегодня кофе почему-то горчит. Как будто я пережарил зёрна, — вздыхал он, присаживаясь на стул рядом с окном с книгой в руках. — Хотя делал всё так же. Странно, да?

Да, возможно, вода была чуть горячее. Или ты помолол его мельче, — кричало у меня внутри. А снаружи я лишь медленно моргала, притворяясь просто внимательным зверем.

— Слушай, что это я несу, — он вдруг спохватывался и грустно улыбался. — Тебе-то какая разница.

Какая разница! Мне есть какая разница! Я здесь! Я слушаю! — билось в висках, но всё, что я могла сделать, — это вытянуть шею и потереться щекой о раму окна, издавая своё глупое, предательское мурлыканье. Это было пыткой и блаженством одновременно. Быть так близко к настоящему, человеческому общению и быть запертой в теле, которое может ответить лишь на примитивном уровне.

Я выучила его ритуалы. Утренний кофе, который он всегда делал слишком крепким. Дневная работа за столом, когда он хмурил брови и барабанил пальцами по клавиатуре. Вечерние прогулки с наушниками в ушах. И я выстроила свои.

Мои дни теперь начинались и заканчивались им. Я ловила первый луч солнца не с ужасом, а с лихорадочным нетерпением — ведь он означал, что я скоро буду там, на своём посту. Я могла быть рядом с ним. Чувствовать его тепло через стекло. Слушать.

Но моя жизнь не состояла из одного лишь наблюдения за Ним. Это был лишь самый светлый её луч, пробивавшийся сквозь рутину выживания. У меня были свои «кошачьи» дела, суровые и простые.

Охота. Это не было приятной забавой. Это была необходимость. Я научилась выслеживать мышей в гудах старого железа на стройке и молниеносно ловить неосторожных воробьёв, прилетавших клевать хлебные крошки у забора. Я ела быстро, жадно, прячась в тени, и потом тщательно вылизывала шерсть, стараясь уничтожить запах крови — словно пытаюсь стереть улики содеянного. Во мне всегда боролись два чувства: удовлетворение от утолённого голода и тихий, человеческий стыд.

Война. Территория не даётся просто так. Рыжий кот Борис с разорванным ухом был моим главным противником. Он был больше, грубее и глупее меня. Его козырь — сила. Мой — скорость и интеллект. Наши стычки были короткими и яростными: шипение, удары лапами, клубок пыли и шерсти. Однажды он рассек мне бок, и я три дня отлёживалась в своём убежище, зализывая рану, ненавидя свою хрупкость.

Гигиена. Дождь был моим спасением. Я вылизывала шерсть до блеска, стараясь смыть с себя уличную грязь, запах пыли и борьбы. Сидя на его подоконнике, я хотела пахнуть хотя бы нейтрально, не вызывая отвращения. Я терлась щекой о шершавую кору деревьев, оставляя на ней свой запах — крошечные островки своего «я» в этом большом, чужом мире.

Сон. Я спала отрывками, всегда чутко, всегда настороже. Малейший шорох — и я была готова к прыжку. Единственным безопасным местом для глубокого, безмятежного сна стал... его подоконник. Там, за стеклом, под звук его ровного дыхания и мерный стук клавиатуры, я могла позволить себе расслабиться и забыться, зная, что он — мой невольный страж.

И именно на фоне этой суровой, животной реальности его голос звучал как откровение.

А с наступлением сумерек, когда моё тело начинали сотрясать знакомые спазмы, возвращающие мне облик, во мне просыпалась уже другая тоска — острая, щемящая. Потому что ночь означала, что я снова стану Алисой. Девушкой с большой тайной. Девушкой, которая могла бы подойти к его двери, постучать и сказать то, что так отчаянно хотели сказать днём мои глаза: «Я та, с кем ты разговариваешь. Это я».

Но я не стучала. Я лишь уходила в тень, чтобы пережить своё маленькое, ежедневное чудо и исчезнуть в ночи — совсем другая, но всё так же одинокая.

Привязанность — опасная штука. Она прорастает тихо, как плющ, оплетая всё внутри, и ты не замечаешь, как уже не можешь дышать без этого. Без его голоса. Без его взгляда. Без

этого абсурдного, невыносимого и самого прекрасного общения через стекло, на границе двух миров, которые никогда не должны были встретиться.

Глава 3. Смелый поступок

Одиночество — это не когда никого нет рядом. Это когда внутри тебя живёт вселенная, которую не с кем разделить. Я носила в себе целый мир — страхов, надежд, наблюдений за ним — и он давил на меня всё сильнее с каждым днём. Я ловила себя на том, что в своем человеческом облике, бродя по ночному городу, я мысленно продолжала наш односторонний разговор.

«Ты сегодня читал Харпер Ли. Я видела корешок книги. Мне тоже нравится эта история».

«Ты снова забыл полить герань на кухне. Она начала вянуть»

«Твой смех, когда ты разговаривал по телефону с другом, — это самый тёплый звук на свете».

Это было сродни безумию. Я медленно сходила с ума от молчания.

В ту ночь всё было иначе. Шёл дождь — холодный, осенний, пронизывающий. Я стояла под раскидистым клёном напротив его дома, промокая до костей, и смотрела на золотой квадрат его окна. Внутри было тепло и уютно. Он передвигал что-то на полке, его силуэт отбрасывал на стену длинную тень. И вдруг меня накрыло такой волной тоски, что перехватило дыхание. Я так устала быть призраком. Тенью. Наблюдателем.

Страх был физическим, почти вкусным — медным, как кровь на языке. А если он увидит? Узнает? Поймёт? Разум кричал об опасности, твердил о границах, которые нельзя пересекать.

Но одиночество кричало громче. Оно было сильнее страха.

Ноги понесли меня сами, будто против моей воли. Я перешла улицу, не чувствуя под собой асфальта. Каждый шаг отдавался в висках гулким эхом. Я поднялась на крыльцо, на котором тысячу раз сидела в другом облике, и сделала самое страшное в своей жизни — нажала на кнопку звонка.

Где-то внутри дома прозвучал нежный, мелодичный звук. У меня подкосились ноги.

Я услышала шаги. Они приближались. Сердце колотилось где-то в горле, бешено и громко. Дверь открылась, и в её проёме возник он. В растянутом свитере, с лёгким недоумением на лице.

— Добрый вечер? — произнёс он, и его голос, такой знакомый и родной через стекло, теперь звучал прямо, живо, обращаясь ко мне.

Свет из прихожей падал на меня, и я чувствовала себя пойманным на месте преступления зверем. Я и была зверем. Обманщицей.

— Извините, — мой собственный голос показался мне сиплым и чужим от долгого молчания. — Я... я заблудилась. И тут дождь... Не могу найти свою улицу.

Это была первая ложь. Глупая, детская, наскоро придуманная. Я ненавидела себя в эту секунду.

Но он не захлопнул дверь. Он посмотрел на меня. Не так, как смотрел на кошку — с мягким любопытством. Его взгляд был иным — внимательным, оценивающим, человеческим. Он смотрел на меня. На Алису. И в этом взгляде не было ничего знакомого.

— Боже, вы вся промокли, — сказал он наконец, и в его голосе прозвучала тревога. — Заходите, согрейтесь. Я сейчас чайник поставлю.

Он отступил, пропуская меня внутрь. Я сделала шаг, чувствуя, как дрожат колени — и мир перевернулся.

Тёплый воздух его дома обволок меня, как одеяло. Но это было не просто тепло. Это был шквал запахов, обрушившийся на мои обострённые чувства. Я замерла на пороге, оглушённая, пытаюсь разобраться в этом хаосе.

Запах старого паркета, втоптаный в древесину за десятилетия, смешанный со сладковатым ароматом воска, которым его недавно натирали. Горьковатая пыль на абажуре лампы, через которую я так часто смотрела на него снаружи. Резкий запах какого-то чистящего средства из кухни. И сквозь всё это — он. Его запах. Не его одежды или мыла, а его собственный, уникальный, тёплый аромат, который был вплетён в саму ткань этого дома, в каждую вещь. Он ударил меня в ноздри, знакомый и пугающе близкий.

Мои глаза, привыкшие к полумраку улицы, за несколько секунд просканировали комнату, выхватывая малейшие детали. Пыль на лампе в углу, которую человеческий глаз бы и не заметил. Глубокая зазубрина на косяке двери — возможно, от неудачного переноса мебели. Сеть тончайших паутинок под потолком, колышущихся от сквозняка. Пятно от кофе на краю книжной полки.

Для него это был просто дом. Уютный, немного потрёпанный жизнью. Для меня, впервые оказавшейся внутри, это было оглушительное нападение на все органы чувств одновременно. Каждая песчинка пыли, каждый атом запаха кричали, рассказывали историю этого места, этого человека. Это была перегрузка, от которой закружилась голова и захотелось зажмуриться.

Он повёл меня на кухню, и я старалась дышать поверхностно, чтобы не закружилась голова. Воздух в его доме был густым и сложным, как слоёный пирог из запахов. Пахло старой древесиной, воском для пола, сладковатой пылью на книгах и чем-то неуловимо чужим, мужским — его кожей, его шампунем, его жизнью. Он суетился у плиты, доставая чашки,

Я села на стул, который он мне предложил, и сжала колени, чтобы они не дрожали. Я сидела и впитывала каждую деталь, которую раньше могла только видеть: текстуру деревянного стола под пальцами, узор на его чашке, тёплый свет лампы над головой. Мои мокрые волосы липли к шее, и я чувствовала себя жалкой утопленницей, выброшенной на чужой берег.

— Может, предложу тебе что-то сухое? — он с лёгкой неловкостью огляделся, будто впервые замечая, что в его доме нет ничего женского. — Свитер какой-нибудь... Хотя он будет на тебе как на чучеле.

— Нет! — я почти вскрикнула, и мы оба вздрогнули от резкости моего тона.

Надеть его вещь? Пропитаться его запахом, который и так уже сводил меня с ума? Это было бы слишком интимно, слишком опасно. — Спасибо, я... я просто погреюсь тут немного и пойду.

— Как знаешь. Тогда хотя бы чаю. Горячего. Это не обсуждается.

На его лице мелькнула тень лёгкого разочарования, но он кивнул.

Он повернулся к плите, и я могла наконец расслабить плечи на секунду. Я оглядела кухню. Всё было просто, даже аскетично, но в каждой детали читался он. Сложенные стопкой книги на подоконнике, заляпанная краской кружка вместо подставки для кистей, одинокий кактус на столе, который явно забывали поливать.

Это был не просто дом. Это была его скорлупа, его кокон. И я, непрошенная, мокрая и испуганная, вломилась в него, нарушив тишину и порядок. Мне стало одновременно страшно и безумно любопытно. Хотелось трогать всё, впитывать, запоминать. Но я сидела смиренно, боясь пошевелиться.

— Меня Марк зовут, — сказал он, представляясь.

— Алиса, — выдохнула я, и моё имя в его кухне прозвучало как признание.

Мы говорили о пустяках. О дожде. О том, что район действительно запутанный. Он шутил, пытаясь разрядить обстановку. А я сидела и впитывала каждую деталь, которую раньше могла только видеть.

— А вас что так поздно занесло в наши края? — спросил он, и в его глазах промелькнуло лёгкое, естественное любопытство.

Вопрос повис в воздухе. Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Заранее придуманная легенда «заблудилась» внезапно показалась до идиотизма неправдоподобной, бумажной.

— Я... — я сглотнула, чувствуя, как предательски краснею. — Гуляла. Просто... гуляла. Иногда мне нужно просто ходить, чтобы думать.

Это была не совсем ложь. По ночам я и правда много ходила.

Он кивнул, но во взгляде его читалась тень недоумения. «Гулять в такую погоду?»

— Далеко живёте? — поинтересовался он, и в его тоне не было ничего, кроме искренней заботы, но каждый вопрос ощущался как ловушка.

— Не очень, — поспешно ответила я, опуская глаза в чашку. — Пару кварталов. Просто... завернула не в ту сторону. И тут дождь...

Я замолчала, понимая, что несу чушь. Мои пальцы сами собой начали теревить край свитера. Я поймала себя на том, что сижу в неестественной, скованной позе, будто готовая в любой момент сорваться с места.

— Извините, — снова выдохнула я, пытаюсь взять себя в руки. — Я, наверное, кажусь вам странной. Я просто немного... не в своей тарелке.

Он посмотрел на меня — на мой взгляд, устремлённый в чай, на мои нервные пальцы — и его лицо смягчилось.

— Всё в порядке, — сказал он тихо. — Со всеми бывает. Иногда тоже ночами не сплю, хожу по дому. Кажется, ночью мысли как-то по-другому в голове укладываются.

Его слова стали неожиданным спасательным кругом. Он не стал давить, не потребовал правды. Он просто... понял. Или сделал вид, что понял. Это внезапное проявление доброты и такта сжало мне горло.

И тут, почти без моего участия, сорвалась та самая горькая полуправда...

— Солнце... оно причиняет мне боль. Фотодерматоз... Поэтому я живу ночью. Для меня это... единственное безопасное время.

Я не соврала. Солнце и вправду забирало меня. Отнимало моё «я». Оно причиняло самую страшную боль — боль от утраты себя.

Он помолчал, и я боялась поднять на него глаза. Боялась увидеть жалость, недоверие или отторжение.

— Должно быть, это непросто, — произнёс он наконец, и в его голосе не было ничего, кроме искреннего сочувствия. — Быть отрезанной от половины мира.

В его словах было столько понимания, что у меня к горлу подкатил ком. Он не знал, насколько прав. Я была отрезана не от половины мира. Я была отрезана от самой себя. И от него.

В ту ночь, уходя от него, я чувствовала не облегчение, а новую, ещё более глубокую боль. Я сделала первый шаг. Я вошла в его жизнь. Но теперь пропасть между нами казалась ещё шире. Потому что теперь я знала, каково это — сидеть рядом с ним, слышать его смех, обращённый ко мне, и понимать, что всё это построено на песке одной маленькой лжи. Которая с рассветом могла превратиться в огромное, непроходимое море молчания.

Глава 4. Самый сладкий обман

Наши ночные встречи стали ритуалом. Тщательно выверенным, сладким и опасным. Я жила в промежутке между закатом и рассветом, как Золушка, только моя тыква и крысы ждали меня не в полночь, а на утренней заре.

Но наш хрупкий ритуал висел на волоске каждый день. Однажды всё едва не рухнуло из-за простого детского любопытства.

Тёплым днём я, как обычно, дремала, свернувшись калачиком на его подоконнике, убаюканная мерным стуком его клавиатуры из-за стекла. Я не заметила, как из соседнего дома выскользнул маленький охотник — мальчик лет пяти по имени Артёмка, известный своим интересом ко всему живому.

— Киска! — прошептал он, и прежде чем я успела среагировать, его рука накрыла меня. Я не стала царапаться — его отец мог выйти, и тогда шума было бы ещё больше. Я позволила ему, сгорая от внутренней ярости и паники, унести себя вглубь двора.

Он запер меня в старом, полуразрушенном сарае, где хранились велосипеды и лыжи

«Будешь моя!» — объявил он и побежал, хлопнув дверь. Я осталась в пыльной темноте, в ловушке. Самое ужасное было не это. Самое ужасное — медленно ползущее по стене пятно солнечного света. Скоро вечер. Скоро наша встреча с Марком.

Я металась по сараю, царапала дверь, отчаянно мяукала. Но дверь была прочной, а все были заняты своими делами. Солнечный луч уполз на пол, и я поняла — я не успеваю. Я опоздаю. Он будет ждать. Он будет волноваться. А я не смогу ему ничего объяснить.

Отчаяние придало мне сил. Я забралась на груды старых ящиков, под потолок, где была маленькая, забитая паутиной форточка. Я впилась в прогнившую раму когтями и зубами, отчаянно дёргая, чувствуя, как древесина поддается. С последними силами я выжалась в узкую щель, сорвалась вниз и побежала.

Я мчалась по улицам, не чувствуя под лапами асфальта. Превращение застало меня в тёмном переулке, и это было самое болезненное и быстрое изменение в моей жизни. Я не успела отдышаться, просто натянула на мокрое от дождя тело платье и, не думая о причёске, побежала к его дому.

— Прости, я... — я опёрлась о косяк двери, чувствуя, как дрожат колени. — Меня... задержали.

Я примчалась вся растрёпанная, с землистой кожей под глазами от невыносимой усталости, едва переводя дух.

— Алиса? С тобой всё в порядке? Ты выглядишь... как будто тебя преследовали.

Его лицо выразило лёгкий шок.

— Да нет, что ты, — я попыталась выдохнуть и улыбнуться, но улыбка получилась кривой. — Просто... соседский ребёнок. Нужно было помочь с... с проектом по биологии. Срочно. — Я отводила глаза, чувствуя, как горит лицо. Каждая секунда этой лжи обжигала изнутри.

Он смотрел на меня с лёгким недоверием, но не стал допытываться. Просто провёл в дом, налил чаю. Но в воздухе повисло неловкое молчание. Я видела, что он не верит мне. И это было хуже, чем гнев. Это была тихая трещина в нашем шатком мире.

В тот вечер я поняла, что живу на пороховой бочке. Мой обман был сложной игрой в жмурки, где я была и ведущим, и слепым участником. И один неверный шаг, одно случайное стечение обстоятельств — и всё могло рухнуть с оглушительным грохотом.

Я придумала целую систему конспирации. Моя квартира была убежищем с плотными шторами, куда не проникал ни один луч. Я никогда не задерживалась у Марка до первых признаков утра, всегда уходя с первым намёком на бледность на востоке. Я тщательно следила,

чтобы ни одна моя вещь — ни волос, ни след помады на чашке — не осталась у него. Я была призраком, который являлся только по ночам.

И всё же это было самое настоящее счастье. Изматывающее, нервное, но счастье. Мы гуляли по спящему городу, и он показывал мне места, которые любил: крошечный сквер с ржавыми качелями, мост через реку, с которого видно всё течение, букинистический магазинчик с совой в витрине. Он водил меня по своему миру, а я, с затаённым дыханием, водила его по моему.

Однажды ночью мы гуляли по спящему району, и он рассказывал мне о своей мечте — собрать старинное пианино своими руками. Я слушала, улыбаясь, и позволила себе на мгновение забыть обо всём, просто наслаждаясь звуком его голоса и теплом его руки в своей.

И тут из-за угла неожиданно выскочил огромный, лохматый пёс. Не бездомный — на нём был ошейник, но это не делало его менее грозным. Он низко зарычал, а затем громко, яростно залаял, делая выпады в нашу сторону.

И случилось это. Не с человеком Алисой. С той, чьи инстинкты были острее разума.

Я издала тихий, испуганный звук — нечеловеческий вздох-шипение — и инстинктивно, резко рванулась к защите. Я вжалась в плечо Марку, стараясь спрятаться за его спиной, моя рука непроизвольно вцепилась в его куртку.

— Эй, спокойно! — строго сказал он псу, и его голос, обычно такой мягкий, прозвучал твёрдо и властно. Он моментально среагировал, шагнув вперёд, между мной и собакой.

Собака на секунду заколебалась, а потом, нехотя фыркнув, побежала дальше по своим делам.

Всё произошло за несколько секунд. И только когда опасность миновала, до меня дошло. Я застыла, всё ещё вцепившись в его спину, чувствуя, как по моей человеческой коже бегут мурашки — остаточный эффект взъерошенной шерсти. Горячее, жгучее стыдное пламя ударило мне в лицо.

— Всё хорошо, он убежал. Ты в порядке? Боишься собак? — Он обернулся, его глаза выражали беспокойство.

— Да... нет... то есть, вообще нет, — я запинаясь, чувствуя себя идиоткой. — Просто он... неожиданно. Испугал.

Я отпрянула от него, как от огня, с трудом разжимая пальцы. Мне хотелось провалиться сквозь землю.

— Ничего страшного. Я тоже не в восторге от внезапных лающих монстров. — Он улыбнулся своей доброй, лёгкой улыбкой и потянулся, чтобы поправить прядь волос, выбившуюся у меня из-за этого хаотичного движения.

Он думал, что это просто испуг. Милая, женская слабость. Он не видел, что это был не страх. Это была ненависть. Глубокая, древняя, животная вражда между двумя видами, которую не могли отменить ни человеческий облик, ни разум. Это был инстинкт, кричавший о тысячелетних конфликтах, о погонях по тёмным улицам, о конкретной вражде с этим самым рыжим псом из соседнего двора, который как-то раз чуть не откусил мне кончик хвоста.

Он успокаивал меня, а я стояла, пытаюсь загнать обратно в клетку ту дику, шипящую часть себя, что так позорно вырвалась наружу. Это был самый сладкий и самый горький обман одновременно. Он защищал меня, а я не могла ему сказать, что монстр, от которого он меня защитил, в каком-то смысле... был мной самой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.